

*М.В.ЗЕНКИН**УДК 94.4 (РОССИЯ)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ИСТОРИОГРАФИИ(1960-Е ГОДЫ – НАЧАЛОXXI В.)

В статті аналізується стан вивчення історичних поглядів М.Г.Чернышевського в радянській історіографії в період з 1960-х років до початку XXI ст. та еволюція його теорії у цілому.

Ключові слова: історіографія, М.Г.Чернышевський, історична концепція.

В статье анализируется состояние изучения исторических воззрений Н.Г.Чернышевского в советской историографии периода 1960-х годов до начала XXI века и эволюция оценок его теории в целом.

Ключевые слова: историография, Н.Г.Чернышевский, историческая концепция.

The article analyses the situation of studying of historical views of Chernyshevsky in soviet historiography and evolution of his theory evaluation.

Key words: historiography, Chernyshevsky, historical conception.

Исторические воззрения Н.Г.Чернышевского в литературе подвергались довольно тщательному изучению со всех сторон. Исследовались его взгляды как на российский исторический процесс и его специфику, так и работы демократа, касающиеся истории других государств. В историческом блоке наследия Чернышевского исследователи находили основу его взглядов по основным, самым животрепещущим проблемам развития России. В истории он, как и другие передовые умы того времени, искал доказательства своей позиции по актуальным вопросам общественно-политической ситуации России.

Историография рассматриваемого периода не представлена большим перечнем работ, но те, что являются предметом нашего исследования, в достаточной степени фундаментальны и вполне отражают основные этапы в изучении идейного наследия демократа, в частности его исторических воззрений.

В определенной степени «прорывом» можно считать выход в 50-60-х гг. коллективной многотомной работы «Очерки истории исторической науки в СССР», где были отражены типичные подходы советской науки к исследованию воззрений видных представителей отечественной исторической мысли XI-XIX вв., в частности, Чернышевского. В ней предпринята, на наш взгляд, удачная попытка представить его историческое воззрение в целом, разворачивая их на фоне таких же концепций его современников и коллег по демократическому лагерю. Автор главы – В.Е.Иллерицкий, как и все представители советской историографии предлагает читателям видение исторического процесса Чернышевским, исходя из его «революционно-демократического» мышления. Иллерицкий предлагает выделить ряд этапов в развитии революционно-демократического направления в русской историографии и высшим из них называет 50-60-е годы, связанные с именами

Чернышевского и Добролюбова, создавшими теоретически обоснованную программу коренных преобразований [1]. В решении вопросов о необходимости народной революции в России, роли народных масс в истории и будущих революционных перемен они, как указывает Иллерицкий, влияли на Герцена и Огарева, помогая им «преодолевать их либеральные колебания, содействовали их утверждению на позициях революционного демократизма, в частности в трактовке исторических проблем» [2].

Иллерицкий, безусловно, не переоценил вклад демократа в историческую науку, говоря о школе Чернышевского и Добролюбова. В центре его внимания стояли важнейшие для России того времени проблемы народного движения, реформ, общественных течений 60-х годов, исторической роли и перспектив русского капитализма.

Намереваясь ознакомить читателей с основными направлениями исторической концепции Чернышевского, Иллерицкий поставил перед собой одну главную цель – показать истинную сущность его воззрений, их прогрессивность и демократичность в сравнении с идеями представителей иных течений общественной мысли.

Последовательно разворачивая различные аспекты концепции демократа, историк не уставая подводил ее под признанную тогда незыблемой ленинскую концепцию, не выхолащивая, тем не менее, ценные разработки мыслителя в области истории. Указав на отправную точку его взглядов на исторический процесс – признание подчинения его объективной закономерности, Иллерицкий тут не противопоставляет его воззрения позиции дворянских и буржуазных исследователей, которые, по его мнению, не отвечали требованию объективности, ибо руководствовались они отсталыми концепциями, отрицавшими творческую роль народных масс в развитии общества. Вообще, этот аспект взглядов Чернышевского значил для всех советских исследователей его наследия чрезвычайно много, вкуче с

проблемами борьбы за свободу на протяжении столетий, борьбой старого и нового, где исследователи находили доказательства подлинно революционного духа демократа, проблемой исторического процесса, роли личности в истории, роли государства, соотношения реформы и революции и прочее.

Важным достижением в изучении наследия Чернышевского в постсталинский период является более глубокий подход к анализу его творчества и отход от идеализации его взглядов, что свойственно и Иллерицкому.

Правда, в какой-то момент создается впечатление, будто он немного запутался, намереваясь, с одной стороны, отделить Чернышевского от оценок предыдущего периода, с другой же, оставить в наличии все сложившиеся к тому времени официальные подходы к характеристике идей демократа. Иллерицкий в целом справедливо указывает на недостатки его мировоззрения. Однако он пришел к странному выводу, что, несмотря на исключительно «материалистические тенденции в оценке отдельных исторических процессов и явлений», революционеры-демократы все равно не вышли за пределы исторического идеализма в трактовке коренных основ общественного развития [3]. Это один из важных недостатков концепции, в частности Чернышевского, согласно оценке Иллерицкого. Думается, что он слишком тщательно искал материализм в воззрениях демократа.

Что же касается проблемы борьбы старого и нового, Иллерицкий, противоречит сам себе. Он обвинил Чернышевского в том, что тот не дал ей последовательного материалистического обоснования, хотя сам факт, что все радикалы считали народ главной движущей силой истории, «высоко поднимает их над представителями дворянско-буржуазной историографии и составляет самую главную особенность и отличительную черту демократического истолкования истории» [4].

Действительно, народу и его борьбе за свободу Чернышевский придавал особое значение, но до понимания проблемы

классовой борьбы он не доходил, четкого определения классов не дал, в чем исследователь видит исторически обусловленный недостаток. Это и понятно, ибо сложно убедительно доказать подлинную, практическую революционность Чернышевского.

Помимо серьезного внимания вопросу о роли народных масс в истории, Иллерицкий отмечает основательный экономический блок в исторической концепции мыслителя. Он обосновал положение и роль экономического фактора в истории наиболее глубоко, подходя к материалистическому пониманию истории, пытался наметить этапы исторического прогресса, определить особенности каждого из них. Огорчило исследователя то, что демократ не дошел до понимания учения марксизма об общественно-экономических формациях и ошибочно утверждал, что установление феодальных отношений представляло собой шаг назад в общественном развитии по сравнению с античным рабовладельческим строем.

Коснулся Иллерицкий проблемы государства, верно отметив более объективный подход Чернышевского к пониманию его роли в истории, нежели у представителей буржуазной историографии, в частности основоположника русской государственной школы Б.Н. Чичерина. Однако, очевидно большее внимание он уделал, как и все советские исследователи, важнейшей проблеме соотношения реформы и революции в наследии Чернышевского. Для Иллерицкого, в сущности, все было ясно и он убежденно представил его революционером. Он ни в коей мере не отрицал того факта, что демократ признавал необходимость реформ, частично облегчавших положение народа или дававших ему некоторые права, но ошибочно, на наш взгляд, указал, что реформы он считал вредными, тормозящими исторический прогресс [5].

На самом деле Чернышевский утверждал обратное. Так, говоря о деятельности ряда российских императоров и оценивая их деятельность, он обращал внимание главным

образом на то, какие меры они принимали для улучшения управления страной, какие законы издавали что делали для обеспечения прогрессивного развития России. Обеспечить же это можно только реформами, главное, чтобы они были своевременными, глубокими и последовательными: «Конечно, и в экономических делах, как во всяких других, надобно... предлагать только такие реформы, которые возможны» [6]. Тех же, кто мешал правителям, Чернышевский осуждал: «Думая о том, что люди, называющиеся учеными, воображающие себя доброжелательными и честными, напрягают все свои силы, чтобы пустозвонными декламациями и тупыми возражениями, не идущими к делу, задержать реформу столь благотворную, мы не можем не иметь к ним того чувства, которое человек, желающий улучшений в жизни, имеет к обскурантам и ретрографам» [7].

Иллерицкий пишет: «В отличие от Герцена и Огарева, Чернышевский и Добролюбов не знали колебаний в сторону либерализма, настойчиво сплачивали революционные силы России, решительно боролись с либерализмом и подвергли критике либеральные иллюзии Герцена и Огарева» [8]. Думается, что он явно упрощал особенности русской общественно-политической мысли середины XIX в., упуская из виду реализм политических представлений как Герцена и Огарева, так и Чернышевского.

Фигура Чернышевского в указанной ранее работе показана как образец демократа, борца за подлинные народные интересы, находившего при анализе исторического процесса объективные доказательства своей демократической теории. Однако Иллерицкий везде стремился осуществить свою цель — доказать, что вся историческая позиция Чернышевского — обоснование закономерности революционного решения общественных проблем.

Свои мысли по поводу идейно-научного наследия мыслителя, в частности его исторического блока, В.Е. Иллерицкий

развернул в других своих работах, относящихся к 60-70-м годам XX ст. [9].

В работе «История России в освещении революционеров-демократов» Иллерицкий подверг исторические взгляды Чернышевского самому тщательному анализу, разумеется, исходя из ленинского подхода к его наследию. Интересно, что в этой работе автор периодически говорит о нем и его соратниках как о «демократических» деятелях, называет движение, к которому они принадлежали, просто демократическим, но идеологию, развиваемую и пропагандируемую ими, исключительно революционно-демократической. Очевидно, уже тогда Иллерицкий признавал, что с революционностью Чернышевского не все так однозначно, как трактовалось в советской историографии. Однако лишенный, очевидно, свободы развивать такие идеи в печатных работах, он вынужденно следовал сложившимся выводам в изучении наследия демократа.

Давая общую характеристику историографии Чернышевского, он указал, в целом правильно, на недостатки, присущие работам Г.В.Плеханова, Ю.М.Стеклова и М.Н.Покровского. Ленинские же подходы оценил как своеобразную вершину последовательно научной методологии, из которой советские исследователи черпали принципы анализа мировоззрения демократа. Недостатков в ленинских оценках Чернышевского историк не замечал [10]. Более значимые, нежели ранее, результаты в изучении исторических воззрений демократических деятелей Иллерицкий отмечал, начиная с середины 1930-х гг. Но тогда-то, после ряда постановлений партии и правительства, и наступил застой в подлинно научных исследованиях, невозможных в рамках тоталитарной сталинской системы, хотя и было впервые, по сути, обращено внимание на изучение конкретного содержания исторических взглядов всех демократических деятелей. Ряд недостатков этих исследователей Иллерицкий, впрочем, вполне справедливо отметил.

Указывая на достижения и просчеты своих предшественников, историк объявляет свою задачу – «выделить то общее во взглядах демократических деятелей, что превращало эти взгляды в цельное и самостоятельное направление в русской историографии середины прошлого (т.е. XIX в. – М.З.), определить конкретные теоретические принципы и характерные черты этого направления, выяснить его место и роль в общественной борьбе, в развитии революционной исторической мысли» [11].

В.Е.Иллерицкий достаточно успешно решил эту задачу. Пусть его оценки творчества Чернышевского и базировались на марксистско-ленинской методологии, работы историка представляют ценность и сегодня. В работе «История России в освещении революционеров-демократов» он последовательно раскрыл взгляды Чернышевского, начиная с формирования его воззрений и их теоретических основ, через вопросы российской истории, вплоть до проблем современности.

В главе, посвященной формированию и теоретическим основам исторических взглядов революционеров-демократов, Иллерицкий по сути повторил свои мысли, изложенные в фундаментальной коллективной работе «Очерки истории исторической мысли в СССР». Далее же он последовательно и всесторонне раскрывает воззрения Чернышевского по конкретным историческим периодам развития Российского государства, чего до него так глубокой последовательно не делал никто. Историк обоснованно акцентирует внимание на обеспокоенности демократа по поводу отсутствия среди изданных исторических источников информации, характеризовавшей бы различные стороны народной жизни, что было вполне объяснимо в условиях монархического строя [12]. Действительно, Чернышевский сути, только начинается, не затронуты еще очень многие ее стороны, в особенности «внутренняя история жизни русского народа» [13].

Иллерицкий вскрывает его отношение к различным историческим школам, не замедлив, в рамках критики им альтернативных его собственной исторических концепций, приближать демократа к тому образу, который создан в концепции В.И. Ленина. Историк всячески подчеркивает тот факт, что историческая концепция Чернышевского более прогрессивная, по сравнению с теориями его идейных противников. Безусловно, исследователь отметил и то, что у всех них демократ отмечал не только недостатки, но и очевидные достоинства, например, у либералов, хотя этот аспект его идейного наследия Иллерицкий освещает однобоко. Достижения либералов в области исторической науки, отмечает он, Чернышевский ставил выше дворянской историографии, поскольку буржуазные историки обращались к новой проблематике, освещая те этапы и сюжеты истории России, которые игнорировала дворянская историография и, главное, стремились рассматривать исторический процесс в качестве закономерного. Разумеется, многое у либералов не устраивало демократа, например, игнорирование роли народных масс в истории и превращение государства в ее творца. Яростно спорил он и со знаменитой «теорией закрепощения сословий» Чичерина, в которой он стремился доказать мысль об исторической обоснованности исключительного права власти на реформирование российского общества. Однако Чернышевский не умалял права правительства на проведение реформ. В теории Чичерина его раздражало не это. Он также, как и либералы, был сторонником естественных перемены. Никак не мог он согласиться с тем, что Чичерин полагал закрепощение крестьян, как и других сословий, естественным ходом событий. Безусловно, Чернышевский был прав, невозможно считать разумным историческое обоснование правильности и естественности введения рабства. Но он, тем не менее, высоко оценил личность и работы Чичерина, будучи

более объективным в оценках достоинств либералов. Последние же не находили ценного в идеях демократа-радикала, считая их вредными.

Иллерицкий же, освещая критику Чернышевским исторической концепции либералов, мало останавливался на позитивных отзывах и «выпячивал» негативные. Он считает, что его историческая концепция «была призвана обновить и оправдать борьбу народных масс за освобождение» в противовес буржуазным историкам, которые «оправдывали угнетение народных масс» и рассматривали борьбу за социальное освобождение «как проявление силы анархической, разрушительной, подрывающей разумный порядок, воплощенный в государстве» [14]. Но и либералы ведь не были так уж далеки от истины, как полагает историк. Да и Чернышевский в оценках революционных выступлений был ближе к либерально настроенным общественным деятелям, хотя и понимал, что такие выступления допустимы в случае систематического роста степени принуждения народа и его пролетаризации, ведущей к нищете и лишениям. Тем не менее, он пропагандировал, как пишет Иллерицкий, тем более «настойчиво», идеи революционной борьбы с самодержавно-бюрократическим строем [15]. Повторим, возможность такого развития событий Чернышевский признавал, но никогда на ней не настаивал, отодвигая ее на отдаленную перспективу.

Чернышевский у Иллерицкого выглядит несгибаемым борцом за распространение принципов революционно-демократической идеологии на познание исторических явлений. Главным его достижением в области анализа исторического процесса он считает признание народных масс важнейшей творческой силой истории, несколько выходящая из исторической концепции демократа роль личности в истории. Приоритет народа несомненен. Чернышевский постоянно акцентировал на этом внимание читателей, но и значение

деятельности, в частности, личностей императоров он также признавал, оценивая деятельность некоторых из них очень высоко.

Итак, освещая позицию Чернышевского по различным актуальным проблемам исторического развития, В.Е.Иллерицкий всячески доказывает истинность ленинской концепции. Вопросы о роли государства в жизни общества, движущих силах истории, происхождения крепостного права в России, роли монголо-татарского нашествия и другие он исследует именно исходя из нее и оценивает Чернышевского как революционера и мыслителя-диалектика, правда в ряду других представителей радикального лагеря [16]. Если же какие-то недостатки Иллерицкий и находит во взглядах демократа, так это отсутствие того материалистического понимания исторических явлений и процессов, в частности происхождения государства, «которое было выработано основоположниками марксизма» [17]. Однако ни Иллерицкий, ни его предшественники, ни последователи не прекращали поиск тех позиций в наследии Чернышевского, которые позволили бы им приблизить его к марксизму. Попытки, впрочем, были безуспешными.

Примерно в это же время вышла книга В.И.Астахова «Курс лекций по русской историографии» (1959 г., переизданная в 1965 г.). Однако сестороннего и глубокого анализа исторической концепции Чернышевского у него не получилось. Предваряя ее изложение самой общей характеристикой историографии, Астахов указывает на две ошибочные, с его точки зрения, крайности. С одной стороны, это работы Г.В.Плеханова, «меньшевистская позиция» которого «не позволяла ему правильно определить классовую природу исторических взглядов Чернышевского, не позволяла показать их основные особенности и, прежде всего, пламенный патриотизм и революционную целеустремленность» [18]. Однако Плеханов не был связан необходимостью «правильно», т.е. в духе «официальной» советской историографии, оценивать работы

Чернышевского. Делал он это с достаточной долей объективности, не лишённой и ошибок. Кроме того, указанная «революционная целеустремленность» у демократа почти не просматривалась Плехановым.

На иных позициях оказался, и не без основания, Ю.М.Стеклов, который, в отличие от Плехановской точки зрения на историческую концепцию Чернышевского, в которой замечен некоторый идеализм, встал на ошибочные крайне материалистические позиции. Причем, Астахов считал, что такая точка зрения еще хуже. Мало того, он указывал: «Называя Чернышевского историческим материалистом, Стеклов извращал истинный характер его взглядов на общественное развитие» [19]. Среди причин таких ошибок историк, по сути, верно указал на недостаточную источниковую базу для исследования, а также то, что и Плеханов, и Стеклов рассматривали воззрения Чернышевского в отрыве от тех социально-экономических условий, в которых работал мыслитель. Впрочем, ошибки у них были не только из-за этого, особенно у Стеклова, который, явно намереваясь «модернизировать» Чернышевского, порой в его оценках уходил еще дальше Ленина.

Сам же Астахов постарался исправить их ошибки и начал анализ исторических взглядов демократа именно с краткой характеристики условий, сложившихся в России в середине XIX века. В своей работе, изданной уже в 1965 году, он не делает такой экскурс, решив очевидно, что этот контекст уже существует.

Рассматривая воззрения Чернышевского, Астахов конкретизирует свое внимание на четырех, как он пишет, особенностях теории демократа [20]. Однако эти особенности не во всем соответствовали действительности, а были преподнесены в духе упомянутых неоднократно ленинских, не совсем верных, подходов. Так, к первой особенности отнесены вера в творческие силы народа и его великое будущее, а также борьба против узкого национализма [21]. Сомнительным здесь выглядит тезис о вере в творческие силы

народа, хотя Астахов не развил глубже эту мысль.

Интересны вторая и третья черты: «боевая партийность и политическая заостренность» [22] и последовательный демократизм и революционная целеустремленность [23]. Здесь историк остановился на борьбе Чернышевского против официальной историографии, куда Астахов почему-то отнес и либерала Б.Н.Чичерина, и стал доказывать революционность Чернышевского. Эта мысль была им продолжена и при характеристике четвертой особенности – исторический оптимизм и вера в неизбежную победу прогрессивных сил [24], разумеется, в оценке Астахова, только через революцию. Мало того, он назвал его «крупнейшим революционером». «Признание революции как необходимого и решающего элемента развития, - пишет Астахов, - лежит в основе исторического оптимизма Чернышевского... История, по мнению Чернышевского, не беспристрастная наука о прошлом, а руководство революционным действиям в будущем» [25]. Вообще, он отстаивает точку зрения, что мыслитель был не столько просветителем, сколько крупнейшим революционером, стоявшим на просветительских позициях, хотя некоторые его современники сами указывали на обратное. Например, один из активных деятелей русско-революционного движения – П.Г.Зайцев оценивал его как исключительно кабинетного работника, неспособного разбираться в людях и, из-за этого, мало пригодного для практической революционной работы. На это прямо указывал Б.П.Козьмин в своих исследованиях [26].

Особенно Астахов останавливался на наиболее характерной, с его точки зрения, особенности исторических взглядов Чернышевского – наличие в них элементов исторического материализма. По сути, Астахов занял срединную позицию, условно говоря, между Г.В.Плехановым и Ю.М.Стекловым. Он считал, что «несмотря на идеализм во взглядах Чернышевского на

развитие общества, в них проявляется сильная материалистическая тенденция; больше того, историческая мысль великого русско-революционного демократа шла по тому пути, который в новых исторических условиях приводил к историческому материализму» [27]. Эти тезисы Астахов выдвинули в переиздании книги в 1965 году, ничего нового к исследованию исторических взглядов Чернышевского он не добавил, отстаивая все те же ленинские «революционные» оценки его теории.

Немало места в своих работах уделил творчеству Чернышевского А.Н.Цамутали. Однако он, в отличие от В.Е.Иллерицкого, изначально не ставил своей задачей тщательный анализ воззрений демократа, касающихся российского исторического процесса. Больше внимание на страницах своих работ он уделил анализу исторических взглядов других представителей демократического лагеря. Примером такого подхода является его книга «Очерки домарксистского направления в русской историографии 60-70-х годов XIX в.».

Давая анализ историографии этого вопроса, накопившейся к началу 1970-х годов, Цамутали делает определенный акцент на работах Г.В.Плеханова, Ю.М.Стеклова, М.Н.Покровского, В.Е.Иллерицкого. К последнему он обращается довольно часто, критикуя его выводы, но в основном в деталях, не касаясь общего подхода к анализу наследия Чернышевского, что, впрочем, тоже интересно и важно.

Ошибочные выводы Цамутали находили у Плеханова, и у Покровского, что не мешало ему очень высоко оценивать их вклад в исследование исторической концепции Чернышевского [28], а также у В.И.Ленина, присоединяясь к справедливой критике других ученых в его адрес [29].

Что же касается непосредственного анализа исторических взглядов Чернышевского, то он проводился фрагментарно, поверхностно, создавая у читателей впечатление, что, невзирая на некоторые недостатки, эти взгляды –

своеобразная вершина прогрессивной научной мысли того времени [30].

Однако следует отметить, что больший интерес представляет не столько сравнение идей представителей демократического лагеря с Чернышевским, сколько несогласие самого Цамутали с оценками других его коллег, в особенности с Иллерицким. В них он уточнил некоторые позиции исторических взглядов Чернышевского, но эти уточнения недостаточно значимы для их анализа из-за того, что идеи Чернышевского не находились в центре внимания историка и их оценка оказалась, как указывалось, слишком фрагментарной. Проблема в том, что Цамутали сравнивает здесь идеи представителей демократического направления в историографии с воззрениями Чернышевского, полагая, по-видимому, что к работам исследователей творчества Чернышевского добавить уже нечего. Фигура мыслителя у него выступает как некая веха в развитии исторической мысли, с которой теперь можно только сравнивать идеи других, менее влиятельных деятелей того времени.

В другой своей работе [31], изданной позднее, Цамутали также не уделил существенного внимания историческим взглядам Чернышевского, лишь периодически останавливаясь на определенных сюжетах. Так, он посвятил немного внимания вопросу критики Чернышевским либеральных историков, в особенности Б.Н. Чичерина, указав на то, что его предшественники «проделали большую работу по изучению борьбы, которую вел против Чичерина Чернышевский» [32]. Здесь он снова обращается к работам Иллерицкого, значительно углубляясь в вопрос. Позднее, в 1986 году Цамутали выпустил небольшую статью, посвященную этой критике [33]. В целом же исторические воззрения Чернышевского там не рассматривались.

В книге «Борьба направлений в русской историографии в период империализма» (1986 г.) Цамутали уделил Чернышевскому еще меньше места, обратив, однако, некоторое внимание на историографию радикального

лагеря. Тем не менее, невзирая на несколько монографических исследований в области российской историографии XIX в., ничего нового к изучению наследия Чернышевского в целом и его исторических взглядов в частности Цамутали не добавил и основным источником по-прежнему оставались работы Иллерицкого.

В упомянутой статье Цамутали о критике Чернышевским либералов он также не дал глубокого анализа исторической концепции демократа, что, впрочем, и не было целью статьи. Как указывает историк, он «стремился одновременно вновь привлечь внимание ученых к историческим взглядам Чернышевского, поскольку такие работы исчисляются единицами» [34]. Сама короткая статья Цамутали – лишь ряд штрихов, характеризующих позицию Чернышевского по отношению к либералам. Но Цамутали ее не совсем верно отобразил, показав демократа как непримиримого врага либерального лагеря, не содержащего якобы никаких прогрессивных идей. Он предлагает читателям единственную цитату из статьи Чернышевского «Г. Чичерин как публицист», из которой выбросил несколько слов, что превратило ее, своего рода, в мрачное пророчество, по мнению Цамутали, полностью сбывшееся. Он приводит ее в следующем виде: «[Чичерин, - М.З.] не замедлит сделаться мертвым схоластиком и будет философскими построениями доказывать историческую необходимость каждой статьи Свода законов сообразно теории беспристрастия. Потом историческая необходимость обратиться у него в разумность» [35]. Этими словами действительно заканчивается статья Чернышевского, но в ней он высоко оценил Чичерина как историка и ученого, верил в его благородство и честность и в то, что только гордость и самолюбие могли ввести его в заблуждение и привели к ошибочным выводам. «Он человек честный, - писал Чернышевский, - это мы видим, и поэтому следовало бы ему, когда он двинется с распутья, на котором стоит теперь, пойти по

той дороге, по которой идут честные люди, если природа не обделила их умом, как не обделила г. Чичерина» [36]. Упомянутая же цитата, даваемая Цамутали, предваряется такими словами, меняющими ее значение и смысл: «Успеет ли он [Чичерин, – М.З.] одержать эту победу над самолюбием, успеет ли он стать тем, чем должен бы стать по своей честной натуре, - этого мы не знаем. А если г. Чичерин не успеет одержать победы над чуждыми его благородству понятиями, он не замедлит сделаться мертвым схоластиком» [37]. Вот так неоднократно видоизменялась направленность мыслей Чернышевского в советской историографии «игрой» с цитатами из его работ.

В 1980-х годах почти не было работ, где подвергались бы тщательному изучению исторические взгляды Чернышевского, а с распадом СССР интерес к его исторической концепции, как и к наследию в целом, полностью угас.

Разумеется встречались еще редкие статьи, как, например, маленькая статья В.И. Приленского, посвященная философско-историческим идеям Чернышевского [38], но это было скорее «по инерции». Упомянутая статья вышла в сборнике материалов конференции и в ней Приленский, по его словам, предложил лишь некоторые нюансы исторической концепции Чернышевского. Сравнивая ее с теорией Добролюбова, он делает верный вывод о том, что она более фундаментальна, охватывает широкий круг вопросов и более детально разработана [39]. Интересно то, что статья свободна от ленинских подходов к оценке взглядов Чернышевского, но новых еще нет. Ощущается, что историческая наука на переломном этапе, освободилась от всего старого и заидеологизированного, однако нового ничего почерпнуть нельзя. Интерес к наследию демократа существенно ослаб и материалы этой конференции лишь одни из очень немногих публикаций.

По-новому интерес к исторической концепции Чернышевского появляется лишь в начале нового XXI века. Правда, это

буквально единичные публикации. Так, В.Ф. Антонов, изучавший эту сторону взглядов демократа, посвятил практически половину своей книги тщательному изложению его исторической концепции, справедливо считая, что «без знакомства с ней невозможно будет разобраться и в самом его мировоззрении...» [40]. Возможно, этим можно объяснить малое внимание, уделяемое советской историографией историческим взглядам Чернышевского. Ведь в его соответствующих работах почти нет мест, которые можно трактовать как обоснование необходимости революционных изменений. Этот вопрос достаточно подробно рассмотрен Антоновым, едва ли не единственным на современном этапе, кто посвятил демократу отдельную работу.

Антонов подошел к анализу исторической концепции Чернышевского с нескольких иных позиций, нежели, например, Иллерицкий в свое время. Он выделил среди основных моментов этой концепции такие элементы, как роль знаний, законов и количественного фактора в истории, теория «циклов развития», «расширения круга» и «нарастания». В результате такой вариант показа читателям исторических взглядов Чернышевского более всего выглядит как теоретическая основа его общественно-политических воззрений.

Антонов с самого начала отверг господствующую советское время мысль об их исключительно революционном характере. Кроме того, еще одним существенным отличием является наличие большого количества цитат из различных работ Чернышевского, которыми Антонов небезуспешно пытается опровергать выводы работ историков советской эпохи. Например, одним из «ударов» по теории «революционности» исторических взглядов демократа, стала его мысль о причинах кровавых событий 1848 г. В Париже, которые Чернышевский объяснил господством отсталой экономической теории. Из приведенной цитаты видно, что он больше сторонник прогрессивных и разумных реформ, нежели кровавых действий, в

которых нет правой стороны, а все по-разному виноваты [41]. Так, по сути, везде в книге Антонов показывает Чернышевского врагом революции в смысле единственного пути развития, что доказывал Ленин. На самом деле, Чернышевский признавал и приветствовал реформы. Господство закона во всех сферах (современная наука трактует это как правовое государство и гражданское общество), что должно создать условия для успешного экономического развития и благополучия (социальное государство). Причем, «положительные законы», по мнению мыслителя, должно устанавливать государство, разумностроенное и имеющее поддержку в народе (легитимность). Здесь еще один аргумент Антонова против советского взгляда на исторические идеи Чернышевского, т.к. нигде нет у него призывов к насильственным переменам. А всякие резкие скачки в историческом развитии объяснялись им объективными причинами, например, ошибками действующих властей.

Таким образом, Антонов, излагая исторические взгляды Чернышевского, первым начал формировать у читателей мысль о его готовности поддержать любое правительство, идущее по пути создания «разумных законов». Подобные позитивные меры он находил у различных российских императоров – Петра III, Екатерины II, Александра I и Николая II. На это никто из историков до Антонова особого внимания не обращал. Здесь же становится ясным, что злейшим врагом существующего строя Чернышевский был далеко не в той мере, в которой его видел Ленин и советская историография. Да, царское правительство видело в нем врага. Отчасти это можно объяснить тем, что деятельность демократа будоражила умы общественности. Его намерение всеми силами «давить» на власть с целью принятия «разумных законов», к сожалению, привело его в ссылку.

Что же касается деятельности революционеров-народников, то их действия вызывали у Чернышевского крайне

негативное отношение, что также освещает Антонов, подтверждая цитатами свои утверждения. В 2006 г. он выпустил статью [42], где эти выводы изложил более концентрированно и для более широкого круга читателей, еще раз убеждая в необходимости пересмотра и переоценки исторической концепции Чернышевского.

Н.Г. Чернышевский – представитель того довольно широкого слоя интеллигенции «шестидесятников», которые, будучи воодушевлены реформистскими начинаниями Александра II, готовы были поддержать его и либеральную бюрократию в деле их осуществления. Чернышевский прекрасно понимал, что огромная масса народа политически не грамотна (да и вообще в подавляющем большинстве не грамотна), подвержена влиянию популистских лозунгов и ненавидит своих господ (но не царя), на помещиков готова излить свой гнев, могущий перерасти в стихийную революцию. Учитывая это, он призывал возглавить эти движения, направить их в конструктивное русло (насколько это возможно) с целью модернизации России, но не в коем случае не допустить разрушения общества.

Эту направленность общественно-политической деятельности Чернышевского не хотели замечать представители советской историографии. Его неординарная фигура в исторической науке советской эпохи трактовалась в духе ленинской теории. Он считался главой революционного лагеря, тщательно разрабатывавшем планы революционного преобразования России. Только с распадом СССР появилась возможность обратиться к наследию Чернышевского с новых, лишенных идеологического давления, позиций. Такие попытки уже предпринимаются, однако они немногочисленны и исторические воззрения крупного российского мыслителя-демократа Н.Г. Чернышевского, вне всякого сомнения, требуют дальнейшего изучения с новых, подлинно научных подходов, поскольку крайности в оценках до сих пор не преодолены, чему свидетельством является,

например, взгляд В.Ф. Антонова на Чернышевского как на анархиста. Требуется нейтральная объективная позиция, лишенная идеологического воздействия. Безусловно, это дело будущего, ибо новые подходы (в частности Антонова), кажутся подверженными этому воздействию, хотя с противоположной советской исторической науки стороны, а это грозит нежелательными перекосами в другую сторону и образ Чернышевского по-прежнему выглядит искаженным.

Примечания:

1. см.: Очерки истории исторической науки в СССР. – Т.2. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1960. – С. 7, 8, 15 и другие.
2. Там же. – С. 9.
3. Там же. – С. 17.
4. Там же. – С. 19.
5. Там же. – С. 25.
6. Чернышевский Н.Г. Сочинения в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1987. – С. 142.
7. Там же. – С. 61.
8. Очерки истории исторической науки в СССР. – С. 26.
9. см. например: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. – М.: Соцэкгиз, 1961. – С.235-258; Иллерицкий В.Е. История России в освещении революционеров-демократов. – М.: Соцэкгиз, 1963; Он же Революционная историческая мысль в России (Домарксистский период). – М.: Наука, 1974.
10. Иллерицкий В.Е. История России в освещении революционеров-демократов. – С. 12-14.
11. Там же. – С. 17.
12. Там же. – С. 66.
13. Чернышевский Н.Г. Из № 10 «Современника» // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т. II. – М.: Гослитиздат, 1949. – С. 410.
14. Иллерицкий В.Е. Указ соч. – С. 84.
15. Там же. – С. 195.
16. Там же. – С. 481.
17. Там же. – С. 117.
18. Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Часть первая (до середины XIX в.). – Х.: Изд-во Харьк. Ун-та, 1959. – С. 247.
19. Там же. – С. 247.
20. Там же. – С. 253-255.
21. Там же. – С. 253.
22. Там же. – С. 255.
23. Там же. – С. 255.
24. Там же. – С. 255.
25. Там же. – С. 256.
26. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – С. 278-279.
27. Астахов В.И. Указ соч. – С. 268.
28. Цамутали А.Н. Очерки домарксистского направления в русской историографии 60-70-х годов XIX в. – Л.: Наука, 1971. – С. 10.
29. Там же. – С. 14.
30. Там же. – С. 32, 42, 64, 87, 90, 107, 119, 141, 185, 238.
31. Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. – Л.: Наука, 1977. – 256 с.
32. Там же. – С. 159.
33. Цамутали А.Н. Критика Н.Г.Чернышевским либеральных историков // Общественная мысль в России XIX в. – Л.: Наука, 1986. – С. 127-131.
34. Там же. – С. 131.
35. Там же. – С. 128.
36. Чернышевский Н.Г. г. Чичерин как публицист // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т. V. – М.: Гослитиздат, 1950. – С. 669.
37. Там же. – С. 669.
38. Приленский В.И. Философско-исторические идеи Н.Г.Чернышевского и Н.А.Добролюбова (Сравнительный анализ) // Друзья свободы и добра. – Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1990. – С. 32-37.
39. Там же. – С. 33.
40. Антонов В.Ф. Н.Г.Чернышевский. Общественный идеал анархиста. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С.43.
41. Там же. – С. 47.
42. Антонов В.Ф. Историческая концепция Н.Г.Чернышевского // Вопросы истории. – 2006. №1. – С. 3-19.